

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЛЯНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAÍS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Casa de Correo 2847
Buenos Aires

Argentina

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 2 de setiembre de 1969

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Буэнос Айрес, вторник 2 сентября 1969 года № 1019

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ КИРИЛЛОВИЧУ

Секретариат Российского Народно-Монархического Движения и Редакция "Нашей Страны" шлют свои преданные и искренние поздравления ко дню рождения Вашего Императорского Высочества.

Мы с радостью отмечаем, что имя Главы Династии известно на нашей родине и не только в крупных центрах, но и в далеком Куйбышеве, куда проникли номера "Нашей Страны" с очередными поздравлениями Вашему Императорскому Высочеству, что вызвало бессильную злобу куйбышевских коммунистов.

Чем больше будет известно на нашей родине о Главе Династии Дома Романовых, тем благоприятнее будет почва в освобожденной России для народно-монархической пропаганды.

С глубокой верой в светлое будущее России и конечное торжество монархической идеи мы возносим молитвы Господу о ниспослании Вашему Императорскому Высочеству здоровья и успехов на тяжком пути служения нашей Родине-России.

Секретариат Российской Народно-Монархического Движения
Редакция "Нашей Страны"

Основное преимущество монархии (я говорю только о русской монархии) заключается в том, что власть получает средний человек и получает ее по бесспорному праву случайности: по пра-

ву рождения. Этот средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего — имеет наибольшую в мире свободу суждения.

Иван СОЛОНЕВИЧ

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ И К.Г.Б.

То, о чем я расскажу ниже — чудовищно. Порой мне кажется, что его не было, был кошмарный сон. Если бы так!

Советская власть прочно держится в России только благодаря мощнейшему аппарату подозрения. В первую очередь, тому, что в разные времена называлось ЧЕКА, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — тайной полиции, то есть, советскому Гестапо. Общеизвестно, что убитые им исчисляются многими миллионами, но если говорить о душах терроризуемых и уродуемых им, то это — весь народ СССР. Щупальцами КГБ, как раковыми метастазами пронизана вся жизнь, в частности, вся советская литература. Я не знаю ни одного писателя в России, который бы не имел дела с КГБ. Отношения эти бывают трех категорий:

1) Вы старательно сотрудничаете с КГБ. Тогда у вас есть все возможности преуспевать.

2) Вы лояльны к КГБ, но прямо сотрудничать отказываетесь. Тогда вы лишены очень многое, в частности, выезда за границу.

3) Вы отмечаете все предложения КГБ и вступаете с ним в конфликт. Тогда вы не публикуетесь, или попадаете в концлагерь.

Как все это делается я покажу на примере себя. Подобное мог бы, впрочем, рассказать любой, хоть чуточку известный писатель в России. Но они там — они хотят жить, они молчат.

В августе 1961-го года я готовился впервые в жизни поехать за границу — во Францию. Меня включили в писательскую делегацию. Это событие грандиозное, потому что в СССР выпускают за границу лишь людей близких, проверенных, не имеющих замечаний по работе, политически чистых, никогда в жизни не обращавшихся к психиатру, —несудимых и т. д. А самая процедура оформления длится много месяцев, требуют массы характеристик, анкет, секретных подписок, собеседований с накачкой, как вести себя. К концу процедуры человек настолько запуган и взвинчен, что поездка кажется уже каким-то священно-действием. Я прошел эту грандиозную процедуру и укладывал чемодан. Тогда мне позвонили и сказали, что сейчас придут из Госбезопасности. Пришли двое, показали удостоверение, пошутили, побеседовали о литературе, а потом перешли к делу: "Вам, конечно ясно почему мы пришли? В вашей делегации едет, как обычно, наш товарищ, но одному ему будет трудно, вы будете ему помогать. Ну, просто смотреть не остается бы кто за границей, кто с кем встречается, как себя ведет". — "Нет, я не хочу", — сказал я. "Надо" — "Ну, пусть кто-нибудь другой". "И другие будут". — "А я не хочу!" — "Ну, тогда придется подумать. В таком случае, зачем же вам ехать?" Я молчал подавленный. Они стали мягко объяснять, что это самое обычное, самое естественное дело. Ни од-

на группа туристов, ни одна делегация не обходится без "товарища" и прикрепленных к нему общественных помощников. "Западный мир дьявольски кован и мы должны быть невероятно бдительны". Или я буду держать контакт с товарищем, или моя поездка отменяется. Я вообще никогда никуда не поеду. Товарищ будет очень симпатичный, он сам подойдет ко мне и скажет: "Привет от Михаила Михайловича".

В нашей делегации было человек пятнадцать писателей, редакторов московских журналов. Собирались в ленинградском порту для посадки на лайнер "Латвия". Я смотрел на каждого и думал: кто из них? Делегацией командовала женщина из Интуриста, постоянно пересчитывающая всех, как цыплят: "Может быть она?" Но вот на судне ко мне подошел один из журнальных редакторов и криво усмехаясь сказал: "Привет от Михаила Михайловича!" Был он наглый дурак — открыто и цинично шпионил за всеми. Тоже все время пересчитывал головы, жадно слушал разговоры. Но я заметил, что и некоторые писатели стреляют глазами. Особенно некий Сытин. Он сейчас занимает одну из ключевых позиций в советской кинематографии. Из полутора десятка человек делегации — один из Интуриста, второй "товарищ" и еще минимум пять общественных помощников. Позже я убедился, что это обычная система. Если едут пять человек — минимум два из них "стукачи". Если едут двое — минимум один из них "стукач", а если едет один, то он сам и есть "стукач".

Может быть кто-нибудь из русских писателей, подобно мне, тоже дойдет до слепого ужаса, вырвается из под контроля КГБ и расскажет, что делали с ним. Может быть Евтушенко когданибудь поведает об условиях, при которых он ездил по свету, какие отчеты он писал. Ибо отчет после заграницы мы обязательно пишем все. Такой отчет мне и приказали писать после Парижа. Я мучительно представлял, что напишет наш "товарищ", чтобы совпасть с ним. Однажды кто-то опоздал к автобусу и "товарищ" позеленел от ужаса. Я подробно описал этот случай и подобные ему. Около половины отчета я посвятил донесу на самого себя, ибо это обязательно: куда ходил, с кем встречался, что говорилось. Но мой отчет где-то наверху не понравился. Прошло восемь лет пока меня снова отпустили, вот сейчас, в Англию. Но вы увидите какой ценой.

Целых восемь лет я жил в Туле и ко мне все время ходили "товарищи". Когда я стал расспрашивать других писателей, выяснилось, что это тоже самая обычная вещь — ко всем ходят, ко всем... И писатель, в зависимости от степени его порядочности выбирает одну из трех категорий сотрудничества или отношений. У меня мягко и вежливо высказывали о жизни: над чем я работаю, над чем работают мои друзья, Евтушенко, Аксенов, Гладилин и другие. Что они говорят, что собой представляют. Сперва я говорил только положительное — отзывался высоко, а мне возражали: вот Евтушенко делает ошибки, я невнимателен, я должен вызвать его на острые разговоры и донести, чем он дышит. Стали говорить со мной жестко, с угрозой. Тогда я не выдержал — я закричал им, что считаю это непорядочным и прошу их ко мне не ходить, что я не вижу вокруг себя ничего плохого, никаких заговоров, ничего антисоветского — если увижу, вот тогда позвоню

сам. И они исчезли... Я не верил своему счастью. Вот, оказывается, как нужно с ними разговаривать. В конце-концов, что они могут сделать — я же уже известный писатель, мои книги издаются в сорока странах мира. Могу ли я позволить себе такую роскошь — не общаться с этими типами? О, как я ошибся! Меня просто перевели во вторую категорию.

Мой дом в Туле был открыт для всех. Однажды пришел один очень милый мальчик, студент Политехнического института — долго выкладывал душу, рассказывал, что у них учат делать ракеты, берут страшные подписи о неразглашении государственной тайны. Он мечтал быть изобретателем, а вместо того вычисляют по специальным человекобоям формулам, сколько и чего нужно в пересчет на одну или на тысячу человеческих жизней; что СССР по его мнению фашистская страна, что студенты выпускали рукописный журнал и их арестовали. Под конец он разрыдался, а я успокаивал. Рыдая он выкрикивал, что сам будет выпускать журнал. Я сказал, что это глупо, что этим ничего не докажешь.

Через некоторое время мне звонят и просят выйти на сквер. Один из знакомых мне “товарищей” приглашает сесть на скамейку и говорит: “Что же вы нам не звоните? Вам выкладывали государственные тайны, выдавали формулы, сообщали о подпольных журналах, а вы взорвали, что это не тот путь. Какой же по вашему нужен путь?” Меня сейчас трясет, когда я пишу об этом разговоре на скамейке в сквере. Она была тогда для меня раскаленной сковородкой. Меня простили, отпустили, но предупредили... С той поры — с 1963-го года за мной установилась слежка. О нет, я не был антисоветским элементом, не собирался устраивать заговоры — я сам был членом КПСС, признанным советским писателем. Я хотел только одного — продолжать писать. Но слежка я подлежал автоматически, будучи второй категории...

Я снял комнату в Ясной Поляне и писал там роман, подружился с научными сотрудниками в музее усадьбы. Они ко мне очень хорошо относились, особенно умная симпатичная Луиза Сенина. Однажды она пришла ко мне в комнату и сказала, что она “приставлена”, повторяя “приставлена” следить за каждым моим шагом и доносить о каждом моем слове. Но я добрый и доверчивый человек — она больше не может, ее мучает кошмар. Один из научных сотрудников Ясной Поляны — офицер КГБ и все, от директора до экскурсоведов, перед ним отчитываются. Под особо чрезвычайным надзором находится каждый иностранец, посещающий Ясную Поляну. То, что я здесь снял комнату чрезвычайно подозрительно и от нее требуют фактов. Что ей делать? Ее уволят. “Что же, — сказал я, — меня особенно потрясло, что такое происходит на святой земле Ясной Поляны, — что же, давайте вас спасать, давайте сочинять вместе”. Я не спас ее, наоборот, по наивности загубил. К кафе ко мне подсел тот самый офицер в штатском и стал задавать странные вопросы, я посмотрел ему прямо в глаза: “Слушайте, путем чисто логических умозаключений я понял, что вы из органов и, что я вас интересую. Давайте, как мужчина с мужчиной! Что вы хотите знать? Задавайте вопросы и я честно отвечу. И вам будет легче и мне.” Он ужасно растерялся, забормотал, что я лично его не интересую, что я выше всяких подозрений, но вот у меня в Москве знаменитые знакомые, что сии иногда ведут себя странно и, вообще, мое окружение... Потом, на досуге, он сделал свои умозаключения. Луиза Сенина была со страшным скандалом и вслед за характеристикой уволена с научной работы, долго скиталась пока ее приняли в какое-то ремесленное училище библиотекарем. Там она и по сей день.

Я бежал из Ясной Поляны, как из зачумленного места.

Но где бы вы не жили, вы же общаетесь с людьми. Ко мне постоянно приходили молодые авторы — приносили свои произведения. Одна милая девушка, студентка педагогического института — Таня Субботина — вот таким манером приходила, потом однажды попросила пройтись со мной по улице. Убедившись, что мы одни, она сказала, что ее заставили идти ко мне, постараться стать моей любовницей и доносить о каждом шаге. Иначе пригрозили исключить из института. А она не успевавшая и это вполне возможно.

О, Боже! Я рассказал только два факта, потому что они раскрылись и все уже прекрасно известно тульскому КГБ. Эта бедняга Таня запуталась сама и сама все рассказала своим товарищам. Но я был поражен, как люди сразу же мне открывались, предупреждали и давали советы. Я ничего больше не могу сказать, чтобы им не повредить. Они ведь — “там”, они не виноваты, они — жертвы. Иных я и сам не знаю. Один незнакомый вызвал по телефону на трамвайную остановку и рассказал содержание моих писем к матери, рассказал какие иностранные журналы я держу дома. “Что вы делаете? Разве вы не понимаете, что вся ваша почта вскрывается, что соседи справа, слева и наверху за вами следят, что телефонные разговоры записываются?” Он не называл себя и ушел... Спасибо! Но я не могу понять зачем весь этот ужас. Я пишу художественные произведения и никогда не собираюсь заниматься политической борьбой. Я писатель. Что вам от меня надо? Чтобы я каждое слово по телефону обдумывал? Действительно, как-то телефон странно звякал, я взял трубку и не услышал гудка. Стал стучать по рычагу и вдруг усталый голос на том конце провода сказал: “Ой, не стучите, потерпите, тут вас переключают на другую подслушивалку. Сложное это дело, сами знаете”. Затем пришел электромонтер, изменил электросчетчик и поставил новый, запломбированный, с микрофоном, что-ли.

В 1967-ом году я запер квартиру и на долго уехал. На третий день после моего отъезда, глухой ночью загорелся и полностью сгорел мой кабинет. Прибывшие пожарные не дали сгореть всей квартире, а причины пожара не нашли. Однако, мои бумаги, мои рукописи уцелели истинным чудом. Буквально наяву не отъезжая я перенес шкаф с рукописями в другую комнату, надеясь по приезде перенести кабинет туда. После этого я стал хранить свои рукописи в земле. И кстати, потому что когда я уезжал в следующие разы, то по разным мелким предметам обнаруживал, что во время моего отсутствия в квартире кто-то побывал.

Много раз безнадежно просил разных начальников о поездке за границу. Мне хотелось видеть мир. Мне охотно обещали и на том дело кончалось. Другие ездили, но я — нет. И вдруг, издательство “Les Editeurs Français Réunis” пригласило меня в Париж на месяц, в счет моего гонорара за “Бабий Яр”. Я подумал, что власти должны, наконец, понять, что я никакой не враг; подал заявление и начал проходить процедурный марафон. Я прошел все до конца. И тут мне заявили, что в Союзе писателей нет средств на мою поездку. Я закричал, что это недоразумение, я еду на свои деньги. Тогда мне объяснили — шепотом — что тульские власти формально мой выезд санкционировали, а по телефону секретарь обкома по пропаганде Сафонов сказал, что отпускать меня не надо. Я писал в обращении к людям*), как уродовали мою литературу, но уродовали всю мою жизнь. Я не мог говорить по телефону, почти не стал писать писем, в каждом знакомом видел “стукача”. Я стал задумываться: а какой в конце концов, смысл в этакой моей жизни. Вот дневниковая запись в октябре 1967 года:

“Несколько дней не могу заснуть. Я сплошной ком тоски, перебираю в памяти то, что писал, и сравниваю с тем, что хотел бы и мог написать. Вижу перед собой годы и годы жизни, за кото-

*) Печатается в этом же номере “Нашей Страны”.

РЕСТАЛИНИЗАЦИЯ

В журнале “Октябрь” опубликованы начальные главы воспоминаний маршала авиации Голованова. В этих воспоминаниях делается еще одна попытка вернуть Сталину ореол полководца и великого человека. Маршал Голованов, в точном соответствии с принятой на верхах линией, представляет Сталина всеведущим, всезнающим, мудрым руководителем, который неплохо подготовил страну к войне. Вопреки исторической правде, в полном пренебрежении к фактам, из деспота, погубившего две трети командного состава армии перед войной, пытаются представить внимательного, чуткого, заботливого вождя, лично руководившего подготовкой страны к войне с гитлеровской Германией. Все эти бесславные попытки смыть кровь и позор преступлений с диктатора, восстановить его культ инспирируются теми, кому реабилитация Сталина необходима для укрепления своей власти и оправдания своего прошлого.

ные мог бы столько познать, изучить, понять и создать, и которые потрачены, страшно подумать на что. Цитирую то, что я уже написал в “Бабьем Яре”, я чувствую себя муравьем, замурованным в фундаменте. Вокруг одни камни, стены и тьма... В этом ощущении удушья, в этом состоянии заживо замурованного жить до самой смерти”.

Это было время после процессов Синявского и Даниеля — больше не печатались сочинения Солженицына, стали реабилитировать Сталина. У меня были свои печали. Произошел негласный скандал с “Бабьим Яром”. Спохватились, что не следовало его публиковать. В “Юности” мне говорили, что он вышел почти случайно, что месяцем позже публикация его была бы уже невозможна. Во всяком случае, переиздание романа запретили.

Перед съездом писателей, на который я ехал делегатом из Тулы, Солженицын приспал мне копию своего знаменитого письма. Несколько ночей я думал над ним. Дома меня спрашивали: что со мной? Я сказал: Солженицын зовет меня вместе с ним на самоубийство. Да, я не нашел в себе мужества и, вероятно, заслужил в полной мере презрение Солженицына. Я просто не поехал на съезд, не подписывал никаких протестов ни тогда, ни после. Спас свою шкуру и удержался на грани. Других исключали из партии, из Союза, прекратили печатать. Меня продолжали печатать и возобновилось мягкое и дружеское внимание “товарищам”.. О, как сокрушенно они мне опять объяснили, что обстановка среди интеллигенции сложна, все какие-то взвинченные, даже такие умные люди, как писатели, бунтуют. А не хотелось бы применять жесткие меры. Я, же, очень хорошо делал, что не подписывал протестов. Это не дело художника, но я должен повлиять на моих заблудивших друзей, дать им понять, что если они не прекратят бунтовать, то... ну, сами понимаете... Спасаясь от этих “товарищей”, я заметался по городам: Москва, Ленинград, Киев. Многие люди там, вероятно, помнят, как я спрашивал: А что делают они? Где выход? На что надеяться? Никто ничего не знает. Все умные люди России испытывают только ужас и впереди мгла...

В ночь на 21-е августа 1968 года советские танки вошли в Чехословакию. Я несколько суток провел у радиоприемника. Многие люди в России плакали в те дни, говорили, что это поворот к фашизму. У меня получилось как-то само собой. Я понял, что не могу здесь оставаться дальше, что каждый день, месяц, год будет лишь нагромождением ужаса и подлости в моей душе. Но Россия охраняется, как тюрьма. Прочтите потрясающие “Мои показания” Анатолия Марченко. Этот человек хотел одного — уйти. Его схватили в сорока метрах от границы и бросили в один лагерь с Даниэлем. Описание у Марченко этого сегодняшнего советского концлагеря — заставляет волосы подниматься на голове.

А мне опять пришло приглашение. Теперь уже из США от издательства “Ди Дайел Пресс”, выдавшего специально мою поездку пять тысяч долларов. Я стал посещать в Туле все собрания, преподнес секретарю Сафонову свою книгу с дарственной надписью, без опоздания являлся на собеседования с “товарищами”, и полгода проходил марафон оформления на США. Затем мне отказали, объяснив, что “Дайел Пресс”, кроме меня, печатает Солженицына, следовательно оно — враг. Несколько деталей явно показали, что и на этот раз меня не пускает КГБ, что это... это еще совпало с яростной критикой моих последних произведений в печати.

Вот тут я уже почувствовал себя об-

ложенным и затравленным как волк. Поехал в Батуми изучать место. Все курортное побережье Черного моря под сильнейшей охраной. С наступлением темноты патрули отгоняют всех от воды, прожекторы обнаруживают на морской поверхности даже детский мячик. Но я решил плыть в Турцию под водой, с аквалангом, предварительно войдя в воду до патрулей, толкая перед собой подводный плотик с запасом баллонов для дыхания и плыть по компасу только одну ночь. Иначе утром обнаружат лежащие как мухи вертолеты. Путем тренировки я мог плывать непрерывно уже до пятнадцати часов, начал конструировать плотик. А все же было страшно. Чудилось, как в темноте меня разрежет на полном ходу подводная лодка, или утону. И я решил предпринять еще одну, последнюю, отчаянную попытку получить разрешение на выезд. Я уже не думал ни о чем, кроме одного — любой ценой уйти. Ночью и днем у меня стучало только это — уйти... уйти... уйти из этой чудовищной, безысходной страны, от этих мерзавцев, от этого КГБ. Ну, отпустите же, хоть в Антарктику, хоть в Сахару, где только нет вас. Нет, нельзя... нельзя. Это было выше меня, это был инстинкт спасения животного.

Вероятно я все-таки живущее существо, в “Бабьем Яре” я пишу, что уже к четырнадцати годам меня бы следовало расстрелять двадцать раз, что я живу на свете почти чудом, по недоразумению. Ну так вот, по правилам календаря, теперь меня нужно было бы расстрелять двадцать первый раз, хотя бы за то, что я пошел прямо на них и уехал; хотя бы за то, что пишу вот это. И буду писать, пока стучит мое сердце.

Слушайте, что сделал русский писатель Анатолий Кузнецов. Он сказал себе: надо вообразить себе, что это Гесапо и вообразить, что ему по душе? Доносы? Прекрасно — вы получите донос. Я намекнул “товарищам”, что среди писателей кажется готовится заговор. Они буквально затряслись и поверили, но потребовали факты. О, фактов — у меня была полная голова. Мой донос гласил, что готовится издание страшного подпольного журнала — “Полярная звезда” или “Искра” — о названии еще идут споры, его хотят издавать Евтушенко, Аксенов, Гладилин, Ефремов, Табаков, Аркадий Райкин и т. д. и т. д. Собирают деньги и рукописи. Первый номер открывается статьей академика Сахарова. (Мне ужасно хотелось написать, что они еще собираются взорвать Кремль, но это уже было бы ясное издавательство). И меня перевели в первую категорию. Вот почему я в Англии. Я привез с собой копию этого доноса переснятую на пленку. Ведь это же самое потрясающее произведение моей жизни. Дальше уже были пустяки. Всего полгода оформления, обещание написать роман о Ленине, всего один персональный агент Анджапаридзе и не пришлось барахтаться в Черном море. Кто их знает, может быть у них есть уже радары, обнаруживающие и под водой. 24-го июля я вырвался из России в один самолете с Бруком и не знаю, кто из нас более потрясенно смотрел в окно на голубое небо. Я вырвался пока живой. Можете меня судить. Я до сих пор не могу прийти в себя. Я словно лежу у какого-то моря, хрипя, расплаканный, истекающий кровью.

Это уже море. Ушел, ушел от них!

Я теперь думаю, что главной причиной, почему многие умнейшие и талантливейшие люди не бегут оттуда, это то, что советский режим заставил их делать такие подлости, что никаким раскаянием их уже с себя не снять. Нет выхода.

В самом деле, что бы вы сказали, узнав, что Лев Толстой был тайным полицейским и писал отчеты обо всех иностранцах посещавших его Ясную Поляну? Что Достоевский писал доносы на своих лучших друзей? Можно ли было бы после этого уважать их произведения? И даже самые гениальные? У меня лично нет ответа на этот вопрос.

Единственное, что могу сказать: Достоевский, Толстой не жили в Советской России. Если вы гражданин Советской России, вы автоматически не можете быть стопроцентно порядочным человеком. Трусивое молчание или недоговор — это ведь тоже ложь. Я вам рассказал только о себе, но верьте, подобное могли бы рассказать очень, очень многие. Поставлю точку. Благодарю вас, хорошие люди Англии.

АНДРОНИК КУЗНЕЦОВ

А. Анатоль (Анатолий Кузнецов)

обращение к людям (*)

Вы скажете, что все-таки трудно понять; почему писатель, имеющий на родине миллионные издания, популярность, хорошие деньги, вдруг не хочет возвращаться в свою страну, которую к тому же любит.

ПОТЕРЯ НАДЕЖДЫ

Я больше не могу там жить. Это оказалось сильнее меня. Именно больше не могу. Если мне сейчас снова оказаться в СССР, я там сойду с ума.

Не будь я писатель, может, выдержал бы. Но как писатель — не могу. Писать — это единственное занятие на свете, которое серьезно мне нравится. Когда я пишу, у меня иллюзия, будто в моей жизни даже есть какой-то смысл. Не писать — это для меня примерно то же, что для рыбы не плавать. Пишу, сколько себя помню. Печатаюсь 25 лет.

За эти 25 лет ни одно мое произведение не было напечатано в СССР так, как я его написал.

Советская цензура и редакторы из политических соображений сокращают, искают, уродуют мои произведения до полной неузнаваемости. Или вообще не разрешают печатать.

Пока я был молод — на что-то надеялся. Каждая новая публикация для меня не праздник, а черный день. Потому что мое произведение появляется в свет каким-то уродливым, лживым, исковерканным, и мне стыдно смотреть людям в глаза. В Советском Союзе написать хорошую книгу — это еще самое простое. Главное мученье начинается потом, когда вы захотите ее напечатать.

Последние 10 лет я живу в непрерывном, безысходном, беспросветном противоречии. Опустились руки. Последний роман “Огонь” я писал с душой окаменевшей, без веры, без надежды. Я уже уверенно наперед знал, что даже если его и напечатают, то все человеческое беспощадно вырежут, в лучшем случае будет опубликована еще одна “идейная” мерзость. (Так и вышло, между прочим).

Я дошел до точки, когда больше писать не могу, спать не могу, дышать не могу...

ТРАГЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В литературе ценно то, что ново, что несет в себе художественное открытие.

Писатель — прежде всего — художник, пытающийся проникнуть в нечто неизведанное. Он должен быть честным, объективным и творить свободно. Это все аксиомы.

Так вот именно эти вещи писателю в СССР запрещены.

Свобода творчества в СССР сведена к “свободе” славить советскую власть, партию и призывать к коммунизму. Теоретическое обоснование — шестидесятилетней давности статья Ленина — “Партийная организация и партийная литература”, в соответствии с которой писатель — это партийный пропагандист. Он должен получать от партии лозунги, указания — и пропагандировать их.

Таким образом писатель в СССР поставлен перед выбором:

а) Подчиниться этому идиотизму. Спрятать мысли и совесть в карман. Если правит Сталин — славить Сталина. Велят сажать кукурузу — пиши о кукурузе. Разоблачают Сталина — разоблачай. Перестали разоблачать — перестань.

Много, много советских “писателей” именно таковы. Но жизнь не прощает насилия над совестью. Все они настолько циники и духовные уроды, а подспудная тоска по загубленному таланту так корежит, что подлое существование их — не жизнь, а скорее карикатура на жизнь. Пожалуй, трудно придумать самому себе худшее наказание: всю жизнь дрожать, юлить, жадно ловить указания, бояться ошибиться. О, Боже!

б) Писать по-настоящему, как велят талант и совесть.

Тогда сто против одного, что это не будет опубликовано. Это будет погребено. Может послужить причиной физической гибели.

Печально думать: на этот счет в России давние и прочные “традиции”. Лучших русских писателей всегда травили, судили, убивали, доводили до самоубийства.

в) Попытаться творить “сколько возможно” честно. На неопасные темы. Иносказательно. Находить щели в цензуре. Пускать свои произведения по рукам в рукописях (но не антисоветские, иначе арестуют). Делать хоть что-нибудь! Этакий полувыход.

Я был среди тех, кто выбрал этот третий путь. Но мне не повезло. Цензура

меня ставила на колени всегда. Отчаянное желание спасти хоть что-нибудь в своем творении, чтобы оно дошло до людей — привело меня к тому, что все мои опубликованные произведения — это не литература, и не пошлость, а чорт знает что. Какой-то немыслимый плод сделки цензуры с авторской совестью.

Сколько я кричал, пытался что-то доказать, но это все равно, что биться головой о стену. Литературой в СССР командуют люди невежественные, циничные, от самой литературы далекие, зато отлично знающие последние указания сверху и партийные догмы.

Пробиться сквозь их строй я не смог. Чуть-чуть удавалось Евтушенко, немногого Солженицыну, но и это уже в прошлом. Шели были замечены и зацеплены. А русские писатели все пишут, на что-то надеются. Это кошмар.

МОЯ МАНИЯ

Так четверть века я мечтал о немыслимом для советского писателя счастье: писать и публиковать художественные произведения вольно, безбоязненно. Не “наступать на горло собственной песне”. Не думать о партийных указаниях, казенных редакторах и политических цензورах. Не вздрагивать при каждом стуке в дверь. Не зарывать руки в землю, едва лишь просохнут чернила.

О, сколько ямок ископал, закапывая стеклянные банки с “опасными” и “сомнительными” рукописями. Я не мог их держать в столе, потому что в любое мое отсутствие квартира могла быть вскрыта и обыскана, а рукописи конфискованы, как это случилось с Солженицыным и многими другими.

Мой письменный стол был вообще без ящиков. Ящиками и надежным сейфом служила мне русская земля.

Моей подлинной манией стало увидеть мои книги опубликованными в том виде, в каком я их написал. Увидеть — и после этого хоть убивайте меня. Да, да, в этом отношении я стал болен, я маньяк.

ОТКАЗЫВАЮСЬ

Мальчиком я видел, как горели в России книги в 1937 году, при Сталине. Видел, как горели книги в 1942 году, в оккупированном Киеве, при Гитлере. Богу было угодно, чтобы при жизни мне довелось знать, как горят мои собственные книги. Потому что после того, как я сейчас ушел из СССР, конечно, мои книги там будут уничтожены.

Там постоянно уничтожаются какие-нибудь книги, почему бы моим составить исключение? А я молюсь, чтобы мои издания были уничтожены все до последнего. Раз это не то, что я действительно писал и хотел донести до людей, значит, это ведь не мои книги! Я сам отказываюсь от них.

Вот:

Публично и навсегда отказываюсь от всего, что под фамилией “Кузнецов” было опубликовано в СССР или вышло в переводах с советских изданий в других странах мира.

Ответственно заявляю, что Кузнецов — нечестный, конформистский, трусли-

• ПОДХАЛИМЫ ПРОТИВ КУЗНЕЦОВА

Ответственный секретарь газеты “Комсомольская правда” Григорий Огнев вознамерился доказать читателям, какой негодяй Анатолий Кузнецов и как много он потерял, покинув СССР. Естественно было бы предложить, что Огнев поведает о том, как невыразимо страшно утратить райские кущи, молочные реки и киевые берега коммунистического общества, как несчастен становится человек, лишенный возможности жить и работать “по-коммунистически”. Но нет!

Огнев живописует ужасную участь Анатолия Кузнецова следующим образом:

“В терзающих кошмарами снах пебежчика безнадежным, щемящим видением возникает далекая русская ширь — и видение это станет мукой”. Ширь, это конечно тонко замечено, но как же насчет марксистско-ленинской глуби?

А дальше — площадная брань, патетические проклятия и бездоказательные обвинения — равно как и в статье Б. Полевого на страницах “Литературной газеты”. Равно как и в письме тульских писателей, опубликованном “Литературной Россией”.

вый автор. Отказываюсь от этой фамилии.

НА ЧТО НАДЕЮСЬ?

В последние годы, крепко запервшись, тайно я изредка позволял себе пир: писал то, что хотел. Это было жутко и необычно. Это, как если бы в мире, где все ходят на четвереньках, кто-нибудь запершись в подвале, выпрямился и стал на ноги.

Затем, несколько месяцев я выкапывал из земли рукописи, переснимал их на пленку — и снова зарывал. Мне удалось перевезти через границу эти пленки, тысячи переснятых страниц, все, что я написал за свою жизнь. Здесь и известные мои вещи, например, “Бабий Яр”, но только в истинном его виде. Здесь и такое, что в России опубликовано быть не могло. И такое, что вряд ли я смогу опубликовать его и на Западе.

Но теперь у меня есть хотя бы надежда. Хотя бы...

Во всяком случае, это произведения не Кузнецова, а совершенно иного писателя. Не советского, не западного, не красного, не белого, но — просто писателя, живущего в XX веке на Земле. К тому же предпринявшего отчаянную попытку быть в этот век честным, присоединяющегося к тем, кто борется за человечность в сегодняшней дикой, дикой, дикой жизни этого безумного, безумного мира.

Ваш

А. Анатоль
(Анатолий Кузнецов)

Письмо в Редакцию

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

В своей интересной статье “Испанский урок”, помещенной в “Нашей Стране” от 5-го августа, С. Л. Войцеховский в связи с признанием Кортесами 22-го июля с. г. Принца Хуана Карлоса Испанского, преемником генерала Франко, проводит некоторые параллели с возможностями восстановления монархии в России и высказывает мысль, что

“только мечтатели, закрывающие глаза на действительность, могут не видеть и не понимать, что прямой переход от нескольких десятилетий коммунистической диктатуры к Монархии — утопия, отклоняющая русских людей от реально возникающих перед ними задач”.

Далее он говорит, что этот переход “даже в небольшой и едва затронутой коммунизм стране”, потребовал 30 лет и закончился, через Кортесы, изъятием воли Народа, которого нельзя будет избежать и при восстановлении Монархии в России.

Цель настоящего письма не имеет в

виду возражать или вступать в полемику, но просто обратить внимание читателя на некоторые обстоятельства, несколько исключающие аналогию с испанской революцией.

Прежде всего, не нужно оставлять без внимания тот факт, что коммунизм в Испании был не так побежден генералом Франко и его иностранными союзниками, как подавлен. Проявление недовольства режимом ген. Франко все время проявляется и сейчас, в виде периодически возникающих забастовок, студенческих демонстраций, вольнодумства профессуры и даже священнослужителей, действий 100-тысячной испанской эмиграции и довольно сильного движения Карлистов. Да, наконец, и результаты голосования в Кортесах, состав которых как-то генералом Франко все-таки был подображен (449 — за, 19 — против, 9 — воздержавшихся) говорят далеко не в пользу стабильности политического положения в Испании. (Легко себе представить самочувствие Царя Михаила Федоровича, если бы он был призван не единодушным волеизъявлением, а с подобными результатами голосования!). Другими словами, коммунистическая революция в Испании, при известном попустительстве власти, мо-

жет снова вспыхнуть и найти сочувствие в какой-то части Народа.

От такой перспективы Россия, после 50-летнего большевицкого владычества, безусловно застрахована. Невозможно себе представить, чтобы в толще Русского Народа нашлись бы еще какие-то сторонники коммунизма, которые рискнули бы об этом открыто заявлять. Тот, кто во время последней войны имел возможность хотя бы самое короткое время общаться с русскими людьми на месте, должен был бы вынести впечатление, что коммунизм в России раз и навсегда именно побежден, побежден не силой оружия и не антикоммунистической пропагандой, а самой жизнью, ее 50-летним опытом и теми многомиллионными жертвами, память о которых в каждой семье не допустит до повторения этого тяжкого кошмара.

Понимая таким образом наши российские перспективы, надо думать, что и тот переходный период от коммунистической диктатуры к Монархии, на который это событие будет связано. Хочется верить, однако, что в случае народного волеизъявления, оно выразится не какими-то сухими цифрами в стиле демократических норм, а единодушным призывом в духе Московского Земского Собора 1613 года. Ал. Волков

13 августа 1969 г.

ступно. Если по понятным причинам, мы не в состоянии непосредственно влиять на события, приближающие восстановление Российской Монархии, то мы можем и должны непрестанно об этом думать и оберегать ничем не запятнавшую себя Династию от лжи, клеветы и поношений.

В заключение своей статьи С. Л. Войцеховский говорит о плохой услуге России и Дому Романовых, которую, якобы, оказывают зарубежные русские публицисты.

“вкрай и вкось толкуя Основные Законы рухнувшей Монархии”.

Надо признать, что наши публицисты занимаются этим меньше всего, а горячо трактуют об этом наши доморощенные законоведы и стоустая мольва.

Вообще же, как об этом пишет С. Л. Войцеховский, никому из нас не дано предугадать сроков восстановления Императорской России и тех обстоятельств, с которыми это событие будет связано. Хочется верить, однако, что в случае народного волеизъявления, оно выразится не какими-то сухими цифрами в стиле демократических норм, а единодушным призывом в духе Московского Земского Собора 1613 года. Ал. Волков

Прапорщик Нина Бойко

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция предлагает вниманию читателей отрывок “Прапорщик Нина Бойко” из находящейся в печати книги Сергея Шпаковского “ЖЕНЩИНА-ВОИН”.

В конце 1917 и начале 1918 года не-когда победоносные части Кавказской Армии покидали фронт. Тянулись бесконечные эшелоны уже не солдат, а “товарищей”, не желавших ни за кого и ни за что воевать. Покидали они фронт тоже по-разному: были части сохранившие еще до некоторой степени свою привычную войсковую организацию и даже в рядах некоторых были офицеры, правда, загнанные и запуганные. Это были главным образом части некогда боевой 39-й пехотной дивизии, но были и такие эшелоны, в которых был сброд дезертиров разных частей, которые представляли истинный бич для мирного населения.

По постановлению местной казачьей власти в Екатеринодаре все части, проходившие через территорию Края должны были сдавать оружие, иначе их дальше не пропускали. Выполнение этого распоряжения не всегда сходило гладко. Были созданы разные отряды, главным образом, состоящие из молодых офицеров и учащейся молодежи, казаки редко шли в эти отряды. Сказывалась усталость от трехлетней войны, а кроме того они сами не испробовали большевизма на себе. Офицеры уверяли, что когда они узнают большевицкий режим, то сами возьмутся за оружие.

В одном из таких отрядов, которым командовал молодой есаул, находилась девушка - прапорщик Нина Бойко. Она одной из первых добровольно вступила в отряд и несмотря на свой офицерский чин сразу стала первым номером на имеющийся в отряде единственный пулемет.

Никто не знал откуда она прибыла и где получила чин прапорщика, но по умению носить черкеску, ладно обтягивающую ее стройную фигуру, по оружью тщательно и с чисто казачьим вкусом подобранным, по лиху заломленной кубанке — было видно, что форму она носит не первый год. Но, что всем се соратникам бросалось в глаза — это хладнокровное умение владеть пулеметом в бою и меткость стрельбы. Когда она с первой очереди накрывала цель, то не только молодежь отряда, но и бывалые офицеры поражались этому умению.

Не раз случалось, что не желавший сдавать оружие и оказавший сопротивление эшелон был пронизан несколькими очередями пулемета пропорщика Нины Бойко, и тогда на следующей станции перепуганные “товарищи” вместе с оружием выгружали и своих убитых и раненых...

Отряд, в котором находилась прапорщик Нина Бойко, стоял в Екатеринодаре, но постепенно из-за его лихости он

Розыски

Щербака Алексея Николаевича, рожд. 6 сентября 1922 г. разыскивает сестра. Знающих что-либо о нем прошу сообщить в Редакцию “Нашей Страны”.

АНОНС!

Находится в печати и в конце сентября сего года выйдет книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

“ЖЕНЩИНА-ВОИН”

Эта книга содержит ряд очерков о героях женщинах всех эпох и всех народов.

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

Находится в печати и в конце сентября сего года выйдет книга

СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

“ЖЕНЩИНА-ВОИН”

Эта книга содержит ряд очерков о героях женщинах

всех эпох и всех народов.

АНОНС!

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44-3213

† 18-го августа 1969 г. волею Божией скончался

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ РУДНЕВ

и похоронен на кладбище Гарин, о чем сообщает опечаленная семья.

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Todavía son países Bálticos. Y lo auténtico recién aparecerá cuando, pasando por Riga y Revel, doblemos hacia el Este y, poco antes de Pskov, crucemos aquél límite de ensueños, aquella ex frontera de la Unión Soviética, detrás de la cual empieza el verdadero país del Soviet, habitado por hombres que hace casi un cuarto de siglo se llaman ciudadanos soviéticos. ¿Qué país es ése? ¿Qué hombres son? ¿Cómo vivían? ¿Cómo viven ahora? ¿Qué piensan respecto a lo que está sucediendo?

(Continuará)

стал, если можно так выразиться “детучим”. Его перебрасывали то на одну, то на другую станцию по мере необходимости.

Этот отряд еще перед “Первым Кубанским генерала Корнилова походом” принял участие в жарком бою у станции Эйнем. Это был первый серьзный бой казаков с большевиками, которые уже к этому времени пытались придать своим частям некоторую организацию... Тяжелый бой. Со стороны Новороссийска подошли большие эшелоны распространенных “товарищей” солдат, кноводами и предводителями у которых были “краса и гордость революции” — матросы.

Отряд казаков, в котором находилась прапорщик Н. Б., и без того небольшой, разделился на две части. Одна из них пошла в обход, а другая сдерживала фронтальный натиск неприятеля. Местность у ст. Эйнем болотистая и весь напор наступления красных определился по гати в направлении моста. Если бы им удалось взять мост раньше, чем обходной отряд выполнит свою задачу, судьба обоих отрядов была бы решена. Это было ясно не только командиру отряда, но и каждому из его бойцов. И вот тут-то и пригодилось умение прапорщика Нины Бойко владеть пулеметом. Только она и сдерживает наступающих красных. Очереди ее пулемета выкашивают наступающих. Благодаря этому продвигаются они медленно, а это ведь только и нужно, — нужно для того, чтобы обходной отряд успел зайти и ударить с тыла. Славно и мужественно работает пулеметчица, все меньше, все реже становится цель наступающих и вот наступает момент... красные отступают... вот еще момент и они беспорядочно побежали: это с тыла ударили добровольцы, которые пошли в обход...

Но... молчит пулемет. Командир и ближайшие бойцы бросаются к нему... На пулемете с рукой на гашетке лежит неподвижно прапорщик Нина Бойко. Одна из последних, щальных, пули прервала жизнь этой героини девушки. Безмолвно склонили головы ее соратники перед ее бездыханным телом.

Похоронена Нина Бойко в братской могиле вблизи ст. Эйнем.

С. А. Шпаковский

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAÍS
Organo Monárquico Básico

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ВНИМАНИЮ Г. Г. ПОДПИСЧИКОВ
В ЧИЛИ

Редакция просит г. г. подписчиков, проживающих в Чили, вносить подписанную плату за газету нашему Представителю Александру Ефимовичу Терехову по новому адресу:

A. E. Terehov, San Cristóbal 532,
Santiago de Chile

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

(Карлос Кальво 2851)

В воскресенье, 7-го сентября с. г.,
будет показан

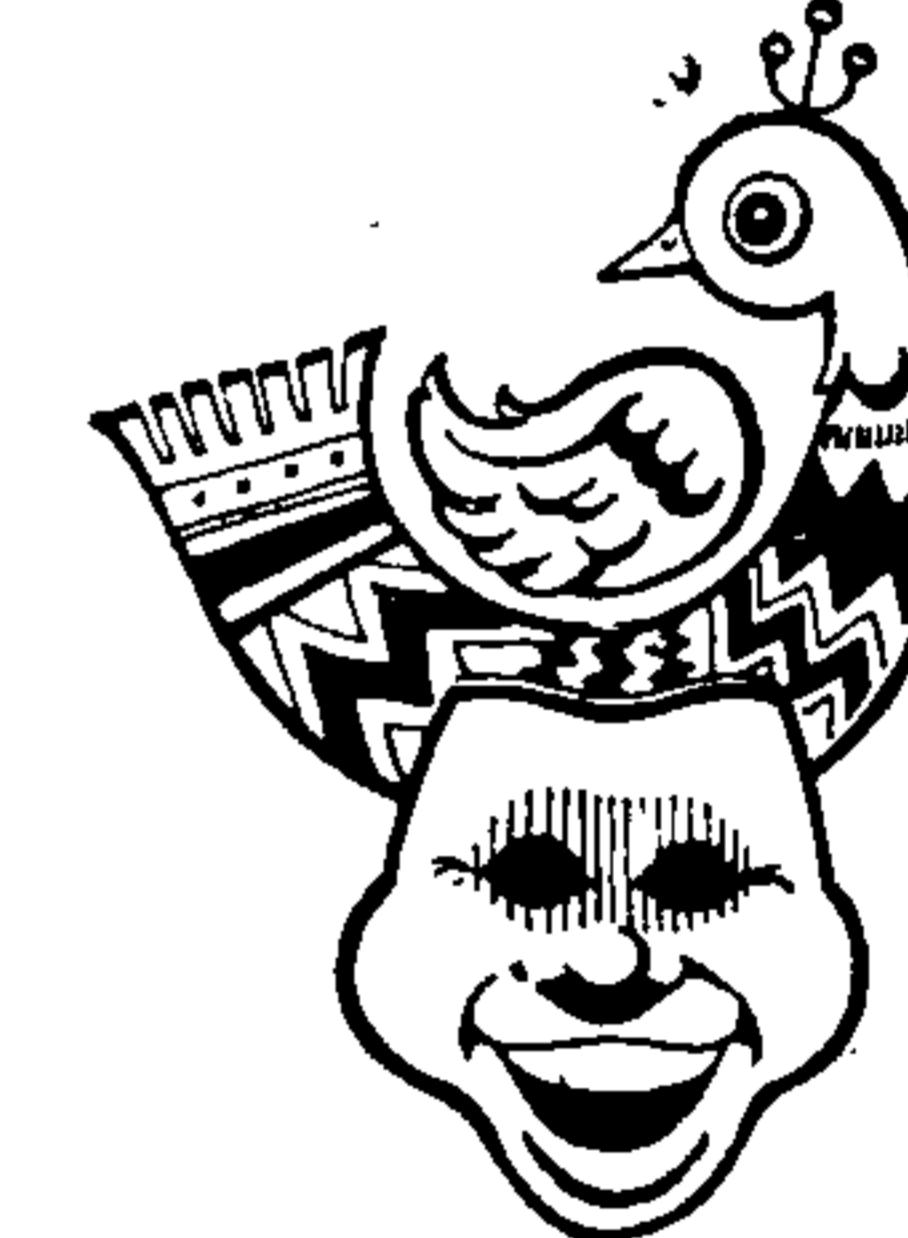
документальный, исторический фильм

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Начало в 17.30 часов.

Вход 200 песо.

РТДД

1969

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ доводит до сведения своих друзей, что спектакли РТДД в 1969 году будут идти исключительно в театральном зале ОРИОР — улица Буэнос Айрес 2655, Оливос. Вместительность зала 70 сидячих мест, поэтому желающие посетить спектакли, благоволят заказать заранее билеты по телефону 44-6021 у г-на А. В. Баумгартина или г-на И. Н. Шмитова и вечером по телефону 32-0473 у г-на Баумгартина, там им будет указано число, час и № сидения по порядку заказа. Стоимость билета 200 песо. Даты спектаклей:

СЫНИШКА (мой бэби)

Комедия в трех актах. Режиссер: И. И. Иванилов. Участвуют: З. Альбрехт, Н. Бойченко, М. Ловцова, Т. В. Черкасова, Е. Васина, О. Книрша и Н. Лукин, А. Книрша, Ю. Дятлов, П. Лукин, С. Мамонтов.

В воскресенье 14 и 21 сентября в 16 часов 30 минут.

В субботу 20 сентября в 20 часов.

МЫШЬЯК

Криминальная комедия в трех актах. Режиссер Г. Л. Лукин. Участвуют: В. А. Альбрехт, М. Н. Павлова, Л. Коваленко и И. Н. Шмитов, А. В. Баумгартен, С. Мамонтов, П. Лукин, Э. Зайковский, И. И. Иванилов, Р. А. Ловцов, А. Книрша, Н. Н. Седлецкий, Н. Лукин, Г. Л. Лукин.

В воскресенье 26 октября и 2 ноября в 16 часов 30 минут.

В субботу 1 ноября в 20 часов.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка для детей Аксакова, будет поставлена на Акте Русской Субботней Школы ОРИОР. Режиссер: Г. Л. Лукин. Участвуют: Л. Андреева, В. Никольская, Л. Васина, Т. Мамонтова, Т. В. Черкасова, О. Книрша и С. Мамонтов, П. Лукин, А. Шмитов, статисты члены РТДД и ученики школы ОРИОР.

В субботу 6 декабря в 17.30 час. Вход для детей бесплатный, взрослые — добровольное пожертвование в пользу РСШ.

Второй спектакль в воскресенье 7 декабря в 17 часов.

Вход: дети — 100 песо, взрослые — 250 песо.

Декорации во всех спектаклях: художника И. Н. Шмитова.

Свет: А. Зубов; Хореография М. Н. Павлова; Суфлер Т. Беликова; Музикальное оформление: Г. Л. Лукин.